

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XLI¹⁾.

Настоящую главу я посвящаю памяти Мидхадъ-паши, этого кумира не столько турецкихъ, сколько нашихъ прогрессистовъ, и намѣрена изобразить его такимъ именно, какимъ онъ остался въ моихъ воспоминаніяхъ. Личность эта очень крупная и заслуживаетъ вниманія русскаго читателя, такъ какъ съ его именемъ тѣсно связана исторія нашей войны за освобожденіе славянъ.

Когда я размышляю о немъ, то передо мной воскресаетъ и оживаетъ совершенно иной образъ, чѣмъ тотъ, который созданъ воображеніемъ людей съ предвзятыми мнѣніями, основанными на одностороннихъ сужденіяхъ европейской прессы.

Бывая часто въ нашей семьѣ, онъ отводилъ душу и не стѣснялся въ выраженіяхъ пламенной ненависти къ европейцамъ, проклиная ихъ коварную дружбу. Россію также не любилъ, обвиняя ее въ подстрекательствѣ славянъ къ возстаніямъ.

Въ официальномъ мірѣ, напротивъ, онъ былъ извѣстенъ, какъ восторженный поклонникъ западной цивилизаціи и въ особенности англійскаго парламента, точную копію съ котораго ему вздумалось перенести въ свое отечество.

Установилось понятіе, что инициаторомъ и душою либеральнаго движенія въ Турціи является творецъ конституціи Мидхатъ-паша. Но это не такъ и очень далеко отъ истины.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1910 г.

Выступление его на мировую арену началось въ слѣдующемъ порядкѣ.

Еще до Крымской кампаніи въ царствованіе умнаго и гуманнаго султана Абдуль-Меджида, въ средѣ окружавшихъ его сановниковъ, въ большинствѣ получившихъ образованіе за границей, возникло сознаніе въ необходимости переустройства оттоманскаго государства въ духѣ просвѣтительныхъ реформъ. Выразителями такого направленія являлись прежде всего ближайшіе сотрудники самого Абдуль-Меджида, а именно: Фуадъ, Али, Риза, Сафеть и нѣкоторые другіе замѣчательные дѣятели, имена которыхъ украшаютъ собой страницы турецкой исторіи. Это были убѣжденные сторонники цивилизаціи и полезныхъ преобразованій для своего народа по западнымъ образцамъ; но, восхищаясь европейскими порядками, они въ то же время тяготились вмѣшательствомъ иностранцевъ въ чисто домашнія дѣла Турціи и всѣми помыслами стремились добиться самостоятельности. Когда же Европа принялась со свойственной ей безцеремонностью распоряжаться судьбами Имперіи полумѣсяца, то прогрессисты стали постепенно переходить въ лагерь людей противоположнаго направленія.

Тогда наступила реакція и выдвинула на политическую сцену другихъ дѣятелей, написавшихъ на своемъ знамени девизъ: освободить государство отъ чужеземнаго вліянія и оставить его на основы чистаго Ислама. Но послѣ Севастопольской кампаніи партія ультра-мусульманъ нѣсколько видоизмѣнила свой обликъ, и въ ней произошелъ расколъ: появились вѣянія парламентаризма и сильное влеченіе къ реформамъ. Это было естественнымъ послѣдствіемъ тѣснаго общенія турецкой арміи съ союзниками на театрѣ войны.

Къ новому движенію не замедлилъ примкнуть Мидхадъ-паша со своими единомышленниками, и вотъ, такимъ-то образомъ возникла „Молодая Турція“.

Достойно вниманія, что партія либераловъ, желавшихъ конституціи, по вопросу о равноправіи христіанъ съ магометанами, осталась въ своихъ воззрѣніяхъ вполне солидарной съ фанатичными сторонниками прежняго режима.

Исторически извѣстно, что на Константинопольской конференціи въ 1876 году Мидхадъ-паша энергично отклонилъ предложеніе западныхъ державъ уровнять передъ закономъ права всѣхъ безъ исключенія подданныхъ коронѣ падишаха и заявилъ, что ни одинъ правовѣрный не согласится провести въ жизнь Ислама такое опасное новшество, которое окончательно убьетъ Турцію.

Со вступленіемъ на престолъ султана Абдуль-Азиса преобладающее вліяніе на берегахъ Босфора перешло къ русскимъ. Этого

никакъ ужъ не могла допустить наша традиціонная соперница Англія.

Ничѣмъ не брезгая, лишь бы вытѣснить насъ съ Ближняго Востока, она сѣяла раздоръ и смуту, разжигая фанатизмъ мусульманъ, и трубила на весь міръ, что якобы сама Россія устраняетъ волненія въ балканскихъ провинціяхъ, чтобы вѣрнѣе прибрать ихъ къ своимъ рукамъ и понасажать туда исправниковъ и казаковъ съ нагайками.

Константинопольская пресса, редактируемая въ канцеляріяхъ сэра Эллиота и графа Зичи, заполнялась слухами прямо чудовищнаго свойства о русской политикѣ на Балканахъ и грязными инсинуаціями по адресу нашего представительства при Высокой Портѣ—однимъ словомъ. Англіи вполнѣ удалось заставить турецкій народъ повѣрить себѣ, что единственнымъ тормозомъ для возрожденія и процвѣтанія его родины являлась только одна Россія.

Стамбульская бюрократія также отвернулась отъ насъ со временемъ и кинулась въ ея коварныя объятія.

Мидхатъ-паша болѣе, чѣмъ кто-либо, испыталъ на себѣ чарующее вліяніе этой державы. Кому же не извѣстно, что дворцовый переворотъ въ ночь на 31-е мая 1876 года былъ устроенъ при благосклонномъ участіи руководителей дальновидной политики Дизраэли и при любезномъ содѣйствіи австрійскихъ лицемѣровъ. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что здѣсь принимались въ расчетъ вовсе не интересы народа, страдавшаго отъ дурнаго управленія Абдуль-Азиса, а единственно только непреодолимое стремленіе выбить русскую дипломатію изъ крѣпкой позиціи въ Долма-Бахче.

Стараніями британскаго кабинета Мидхатъ былъ выдвинутъ на высокой постъ рейсъ-эфенди ¹⁾ вопреки личному нерасположенію къ нему султана и великаго визиря Махмудъ-Недима.

Тогда новый сановникъ въ угоду своимъ покровителямъ объявилъ себя врагомъ славянства и очень недвусмысленно сочувствовалъ жестокимъ репрессіямъ по отношенію балканскихъ вассаловъ, что нисколько не мѣшало ему въ то же время писать подъ диктовку Генри Эллиота самую гуманную въ мірѣ конституцію.

Людамъ, близко стоявшимъ къ нему, онъ казался сотканнымъ изъ крайностей и противорѣчій: „Какое право имѣетъ Европа касаться нашихъ домашнихъ дѣлъ, — кричалъ онъ въ припадкѣ негодованія и глубоко уязвленнаго самолюбія, когда началась бойня въ Болгаріи и дипломатія подняла суматоху, — она требуетъ такихъ реформъ, которыя неизбѣжно приведутъ Турцію къ полному ворабощенію

¹⁾ Министръ иностранныхъ дѣлъ.

нію!.. Какъ только что случится у насъ, такъ сейчасъ же всѣ начинаютъ распоряжаться и командовать—развѣ исторія запада чище нашей? Пусть лучше г.г. цивилизаторы почаще вспоминаютъ о жертвахъ инквизиціи, террора со всѣми ихъ тамъ Робеспьерами, Маратами, отрубившими милліонъ французскихъ головъ, и о прочихъ кровавыхъ эпохахъ—все это забыто, а мы одни должны переживать горькое униженіе передъ свѣтомъ....“

Но проходилъ моментъ вспышки, и онъ снова принимался сочинять либеральные законы. Таковъ приблизительно нравственный обликъ турецкаго новатора, за которымъ утвердилась прочная репутація „западника“, покинувшаго идеалы Востока и ставшаго подъ знамя всеобщаго равенства и братства. А между тѣмъ это неправда, о чемъ я не разъ говорила выше и что утверждаю сейчасъ. Прежде всего онъ былъ горячій патриотъ и глубоко вѣрующій мусульманинъ, всей душой преданный ученію пророка. Въ Коранѣ же сказано, что Исламъ долженъ остаться неподвиженъ, а всякая перемѣна, не согласованная съ духомъ его постановленій — преступна и считается измѣной религіи Магомета. Отсюда ясно, что Мидхадъ-паша не могъ искренно желать переустройства своего отечества по западнымъ моделямъ, и его реформаторскія затѣи находятъ себѣ другое объясненіе: какъ человѣкъ выдающагося ума, онъ прекрасно понималъ, что еще не настало время для политической самостоятельности Турціи, и такъ какъ по соображеніямъ государственной важности надо было угождать Европѣ и нравиться ей во что бы то ни стало, то вотъ, пожалуй, и весь секретъ его увлеченія парламентаризмомъ. Безъ этой необходимости онъ сдѣлалъ бы поставить дѣло преобразованій устарѣвшихъ порядковъ на болѣе правильный путь и примирилъ бы враждующіе между собой элементы, не навязывая въ то же время своему родному народу чуждыя формы жизни.

Но судьба, какъ извѣстно, распорядилась имъ иначе и заставила пережить горечь разочарованій и крушеніе всѣхъ идеаловъ.

Весьма возможно, что характеристика душевныхъ свойствъ Мидхада-паши сдѣлана мной не совсѣмъ правильно; но во всякомъ случаѣ я ближе къ истинѣ, чѣмъ тѣ, которые составили себѣ о немъ понятіе по газетнымъ статьямъ.

Въ продолженіе всего 1876 года событія одно за другимъ стали развертываться съ быстротой калейдоскопа, обѣщая въ будущемъ много тревожнаго и загадочнаго. Провозившись нѣкоторое время съ Босніей и Герцеговиной, Европа, наобѣщавъ много хорошихъ вещей, ровно ничего не сдѣлала для облегченія участи вассальныхъ племенъ.

Да едва-ли это могло совпадать съ ея хитроумными планами: вся забота „концерта державъ“ была направлена къ излюбленной цѣли: парализовать преобладающее значеніе Россіи на берегахъ Босфора.

Въ политикѣ не пренебрегаютъ никакими средствами лишь бы добиться своего, а потому все было пущено въ ходъ до возмутительныхъ подкуповъ сановниковъ Порты и до побужденія софть къ демонстраціямъ на улицахъ включительно.

О послѣднихъ необходимо сказать нѣсколько словъ отдѣльно.

Эта шумная, безпокойная, какъ и вездѣ, молодежь, но по духу діаметрально противоположная своимъ западнымъ собратамъ. Ихъ справедливо называютъ „воинами Ислама“, такъ какъ они пополняютъ собой армію духовныхъ руководителей народа. Образование, получаемое софтами въ школахъ при мечетяхъ, состоитъ изъ знанія наизусть корана и обстоятельнаго пониманія шаріата ¹⁾. Ихъ воспитываютъ въ суровомъ повиновеніи религіознымъ уставамъ и вѣрности стародавнимъ обычаямъ.

И дѣйствительно, они представляютъ изъ себя чрезвычайно тѣсно сплоченную группу фанатиковъ, ненавидящихъ всякое новшество и считающихъ европейскія идеи очень вредными для мусульманскаго государства.

Правда, въ ихъ сердцахъ бурлятъ также оппозиціонныя страсти; но, выражаясь обыденнымъ языкомъ, совершенно на другой подкладкѣ, чѣмъ у насъ.

Мы шумимъ и кричимъ, требуя только новаго, лишь бы новаго и непременно заграничной фабрикаціи, а тамъ наоборотъ: малѣйшее уклоненіе отъ точной буквы ученія пророка вызываетъ бурный протестъ и возмущеніе.

Выступленіе софтовъ противъ Абдуль-Азиса было обусловлено совсѣмъ не тѣми побужденіями, которыми руководилась партія „Молодой Турціи“: имъ внушили, что султанъ измѣнилъ шаріату и отдался въ руки генерала Игнатьева — этого было достаточно, чтобы поднять ихъ и объединить съ недовольными правительствомъ.

Послѣдніе годы царствованія Абдуль-Азиса дѣйствительно были печальной эпохой упадка прежняго могущества Оттоманской державы и полного разоренія страны. Въ 1875 г. государство объявило себя банкротомъ и прекратило всѣ платежи, а также и выдачу жалованья войскамъ и чиновникамъ, оставивъ ихъ, такимъ образомъ, на произволъ судьбы и случая. Финансовому краху не мало посодѣйствовалъ и самъ намѣстникъ пророка, повелитель право-

¹⁾ Сводъ законовъ гражданскихъ и духовныхъ.

вѣрныхъ. Къ старости онъ окончательно разнузданъ и съ безумнымъ увлеченіемъ сорилъ деньгами.

Къ довершенію всѣхъ несчастій имъ овладѣла еще болѣзненная манія къ сооруженіямъ грандіозныхъ зданій. Этой фантазіи давали слѣдующее объясненіе, но, конечно, съ точки зрѣнія суевѣрнаго мусульманина.

Въ династіи Османовъ сохранилось отъ давнихъ временъ преданіе, которое гласитъ, что каждый царствующій султанъ во избѣжаніе нечаянной смерти, могущей настичь его ранѣе положеннаго срока на небесахъ, долженъ непрерывно всю жизнь что-нибудь строить.

Абдуль-Азисъ не спѣшилъ въ рай Магомета—ему и подъ луной прекрасно жилось въ объятіяхъ земныхъ гурій, а потому, чтобы оградить себя отъ роковыхъ случайностей, онъ возводилъ одинъ дворецъ за другимъ и украшалъ ихъ со сказочнымъ великолѣпіемъ. На все это требовались чрезвычайные расходы, которыхъ опустѣвшая казна не могла вынести, и тогда наступилъ опасный кризисъ. Вновь призванный къ власти Мидхадъ-паша очень скоро приобрѣлъ рѣшающее вліяніе на дѣла управленія государствомъ и принялъ руководство партіей, желавшей реформъ; но тайно, по внушенію сэра Эллиота, занялся организаціей сверженія Абдуль-Азиса.

Когда же совершилось злодѣяніе, и ножницы „англійскаго издѣлія“ перерѣзали нить жизни злополучнаго султана, то міру открылась истина, чего собственно добивались „друзья“ Турціи: мечта сбылась! Ненавистная Московія посрамлена — цѣль достигнута! Остальное — все пустяки, лишь бы генерала Игнатьева по боку.... Такъ ликовала европейская печать, отражая какъ въ зеркалѣ мысли и чувства устроителей счастья Оттоманскаго народа.

Прекрасныя обѣщанія, гуманныя реформы, заботы объ угнетаемыхъ, интересы націи — все это было отброшено въ сторону и занялись только курьезами изъ русской якобы „дѣйствительности“. *Le cosaque, la Sibérie, la kibitka, la vodka, le samovar* украшали собой по преимуществу столбцы газетъ и журналовъ. Но особенное вниманіе удѣлялось нашему кнуту—*le knout*. Слово это, по мнѣнію иностранцевъ, не переводимо. О немъ писались цѣлые трактаты, а въ иллюстраціяхъ помѣщались его изображенія, напоминавшія болѣе сказочнаго Змѣя-Горыныча, чѣмъ обыкновенную палку съ привязанной къ концу бичевкой или ремешкомъ—вѣроятно невзначай перепутали оба понятія.

Странно, что наши извозчики и кучера съ высоты своихъ козелъ даже не замѣчаютъ, какое въ сущности опасное орудіе находится въ ихъ рукахъ для понуканій заморенныхъ клячъ; зато послѣднія,

надо думать, вполнѣ солидарны съ тѣми, которые утверждаютъ, что „le knout“—прескверная вещь.

Съ легкой руки Александра Дюма, о Россіи пишутъ или глупыя басни по его примѣру, или же злостную, гадкую клевету. Этой литературой наводнены всѣ книжные рынки за границей, такъ какъ Европа съ удовольствіемъ читаетъ все дурное о насъ, а хорошему она просто не желаетъ вѣрить.

Въ тѣ времена широкой популярностью и завиднымъ успѣхомъ пользовалось одно изъ произведеній дикой фантазіи, перешедшей всякія границы здраваго смысла.

Это было что-то невѣроятное! На обложкѣ книги стояло: „Le cosaque et son knout“, — переведено съ русскаго; авторъ — Jean Ivanoff, такъ какъ въ понятіяхъ французовъ и англичанъ всѣ мы Иваны или Ивановы—не иначе.

Въ предисловіи издатель прямо отъ себя разъясняетъ читателю, что каждый народъ, даже стоящій на низкомъ уровнѣ цивилизаціи, имѣетъ своихъ гениевъ, какъ, на примѣръ, у русскихъ Петръ Великій и „monsieur Ivanoff“. Послѣдній, какъ оказалось, далъ своему народу понятія о возвышенныхъ идеалахъ, о правахъ человека и, наконецъ, подарилъ ему правильный, литературный языкъ. А я-то по наивности думала, что все это сдѣлалъ для насъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ?!

Далѣе говорилось, что всѣ очень любили знаменитаго Jean'a, и даже Самъ le Czаръ совѣтовался съ нимъ о реформахъ; но свирѣпый „l'ispravnik“ оказался сильнѣе и выселилъ геніальнаго писателя за предѣлы отечества. Оплакивая горячо любимую родину, несчастный изгнанникъ написалъ „всю правду“ о Россіи и предлагалъ свой почтенный трудъ благосклонному вниманію публики.

Фабула повѣствованія такова. По обширнымъ „департаментамъ“ Московскаго царства отъ зори до зори развѣзжаютъ на огромныхъ коняхъ „злые“ козаки и безъ передышки хлещутъ кнутами по обывательскимъ спинамъ.

Детали, отдѣльные эпизоды, нравы, обычаи... но я не рѣшаюсь и упоминать о нихъ—читатель можетъ подумать, что все это было позаимствовано мною изъ мемуаровъ пациентовъ Шарантона и Бадлама...

Вотъ откуда пошла слава пресловутому кнуту и прочимъ аксессуарамъ нашего варварства, и вотъ по какимъ источникамъ составляются о насъ мнѣнія иностранцевъ!

Лучше оставимъ ихъ и вернемся къ Мидхадъ-панѣ.

Глава XLII.

Нѣсколько дней спустя послѣ дворцоваго переворота намъ пришлось быть въ Константинополѣ.

Узнавъ о нашемъ приѣздѣ, Мидхадъ-паша немедленно прислалъ за нами свои паланкины, и мы отправились въ министерство, гдѣ онъ временно проживалъ одинъ, безъ семьи, отбывшей на лѣтніе мѣсяцы въ Скутари.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, отвѣчая на вопросъ о здоровьѣ, Мидхадъ-паша съ оттѣнкомъ глубокой грусти въ голосѣ сказалъ, что чувствуетъ себя очень скверно. Видъ у него былъ, дѣйствительно, чрезвычайно подавленный, усталый и, вообще, онъ не казался счастливымъ триумфаторомъ, несмотря на то, что европейская печать прославляла его, какъ спасителя государства отъ фатальнаго вліянія Россіи.

Вошли Кайсерли-паша и Гуссейнъ-Авни. Насъ познакомили. Рѣчь коснулась злобы дня.

— Чему они радуются?! — раздражаясь, проговорилъ Мидхадъ, отбрасывая въ сторону только что принесенную ему курьеромъ газету, — *le général Ignatieff, les cosaques, la vodka...* а дальше ни съ мѣста...

Сераскиръ расхохотался, досталъ изъ портфеля какой-то листокъ и, развернувъ его, положилъ на столъ. Мы взглянули и съ отвращеніемъ отвернулись: рисунокъ изображалъ нашего посла съ котомкой за плечами, верхомъ на палочкѣ, переплывающимъ Босфоръ по направленію къ сѣверу, а внизу короткое: „*Bon voyage!*“

Кайсерли взялъ карандашъ и написалъ рядомъ: „примѣръ, достойный подражанія и для „другихъ“—надѣмся и скажемъ сердечное „прости“ (*adieu!*)“

Мидхадъ-паша наклонился ко мнѣ и прошепталъ:

„Не судите меня слишкомъ строго, дитя мое — Абдуль-Азисъ получилъ то, что заслужилъ, клянусь вамъ; но знаете, это бѣснованіе „нашихъ друзей“ прямо отвратительно—все-таки онъ былъ нашимъ калифомъ...“

Недолго процарствовалъ несчастный Мурадъ: кровавый призракъ звѣрски убитаго дяди преслѣдовалъ его день и ночь. Онъ окончательно заболѣлъ и сошелъ съ трона. Вакантное мѣсто предложили Абдуль-Гамиду, убѣжденному „западнику“ и фанатичному стороннику парламентаризма, какъ увѣряли лондонскія газеты. Съ чего померещилось имъ все это—неизвѣстно; но со временемъ, когда разсѣялись иллюзіи, то оказалось, что дипломатія попала

тогда вприсакъ на основаніи слуховъ о якобы тайныхъ симпатіяхъ принца Гаида къ „молодой Турціи“.

Въ день восшествія его на престолъ по улицамъ разносили манифестъ и разныя добавленія къ нему, въ которыхъ говорилось о высокихъ качествахъ души и сердца новаго повелителя.

Въ мірѣ дипломатовъ праздновали окончательное пораженіе Игнатьева, а въ царствѣ типографскихъ красокъ и чернилъ шло ликованіе, не поддающееся описанію: спѣшили оповѣстить всѣхъ обитателей земного шара о томъ, что Мидхадъ-паша пишетъ конституцію. Уличная толпа, не знавшая еще наканунѣ о существованіи какого-то Абдуль-Гаида, восхваляла его заслуги и добродѣтели.

Все шло какъ нельзя лучше, только неугомонные софты портили общее настроеніе: обѣщанное равноправіе гяурамъ съ мусульманами очень не понравилось молодымъ фанатикамъ — они снова выбѣжали на улицу и отчаянно шумѣли.

Благодарная Англія щедро вознаградила Мидхадъ-пашу: она поставила его у кормила власти, и, такимъ образомъ, еще недавно опальный чиновникъ, губернаторъ отдаленнаго Багдада, куда онъ былъ удаленъ Абдуль-Азисомъ по требованію всесильнаго духовенства, сдѣлался волею „кымета“ фактическимъ распорядителемъ оттоманской короны. Общественное мнѣніе Европы вознесло его на вершину славы, а корреспонденты пѣли ему хвалебныя гимны и увѣряли весь свѣтъ, что только подъ руководствомъ Мидхада-паши можетъ наладиться испорченный механизмъ государственной машины — однимъ словомъ, въ немъ видѣли панацею для странъ полумѣсяца.

Но случилось какъ разъ все наоборотъ, и не исполнилось ничего изъ предсказаній оптимистовъ. За короткое время его диктатуры одно событіе прискорбило другое ускореннымъ темпомъ слѣдовали другъ за другомъ: Боснія и Герцоговина не только не успокоились, но увлекли своимъ примѣромъ и прочія Балканскія народности.

Румынія выдѣлилась изъ состава Оттоманской Имперіи, затѣмъ Сербія объявила войну, а къ ней присоединилась и Черногорія.

Почти одновременно въ Болгаріи началась бойня, отъ которой содрогнулся весь міръ. Атмосфера сгущалась и сдѣлалось трудно дышать. Никто ничего не понималъ, а менѣе всего самъ Мидхадъ-паша; но онъ былъ рабъ и слѣпая пѣшка въ рукахъ такихъ корифеевъ „всемирной политики“, какъ Дизраэли, Дерби, да и самъ гуманный Гладстонъ, которые распоряжались всѣми помыслами турецкаго либерала и направляли его дѣйствія по своему усмотрѣнію.

Когда положеніе обострилось до невозможности, то концертъ дер-

жавъ предложилъ турецкому правительству свой планъ реформъ. Абдуль-Гамидъ отвѣтилъ, что дастъ конституцію. И онъ охотно подписалъ ее тогда, надѣясь этимъ спасти себя отъ слишкомъ тяжелаго гнета европейской опеки.

Но любвеобильному сердцу Дизраэли совсѣмъ не того надо было: онъ велъ милую ему Турцію къ берегамъ Дуная таскать для него каштаны изъ огня, что собственно и требовалось.

Кончилась война: на полѣ брани побѣдили мы, и намъ за это не позволили даже прогуляться по улицамъ Царьграда. Англія получила островъ Кипръ, который ей давно нравился; Австрія мимоходомъ прихватила Боснію и Герцоговину, а на Турцію напялили „Тришкинъ кафтанъ“, въ которомъ она и по сіе время щеголяетъ.

Въ далекомъ же изгнаніи, подъ горячимъ небомъ Аравіи, томился узникъ и подчитывалъ: во что обошлась ему нѣжная дружба коварнаго Альбіона?

Въ 1882 году я была въ Египтѣ, и мнѣ пришлось совершенно случайно узнать, что съ Мидхадъ-пашей можно завести довольно удобную переписку черезъ одного арабскаго коммерсанта, бывавшаго иногда съ караванами въ городкѣ Таафѣ, гдѣ проживалъ тогда тотъ, кто еще такъ недавно распоряжался судьбами Оттоманской Имперіи.

Ибрагимъ Даули, такъ звали купца, охотно взялся доставить узнику мое письмо, въ которомъ я, увѣдомляя о смерти моего дорогого дядюшки, убѣдительно просила его во имя нашихъ прежнихъ сердечныхъ отношеній открыть мнѣ свою душу и свои надежды на будущее.

Черезъ мѣсяць вернулся караванъ и привезъ отвѣтъ на 8 листахъ, въ которыхъ я прочла исповѣдь разбитаго сердца и безграничную, свойственную только убѣжденному мусульманину, покорность судьбѣ. — „Фатализмъ, — пишетъ онъ, — спасаетъ человѣка отъ сомнѣній и отчаянія. То, что случилось, было предопредѣлено священной волею раньше всѣхъ вѣковъ, а слѣдовательно такъ оно и должно быть“.

Вся душа вѣрующаго исламита сказала въ этихъ немногихъ строкахъ.

Далѣе онъ доказываетъ, что русская политика на Балканахъ окончательно погубитъ славянъ и приведетъ ихъ еще къ худшему порабощенію Австріей, а затѣмъ кончаетъ характернымъ афоризмомъ: „мы говоримъ: не вѣрь клятвѣ женщины—она непременно обманетъ. А я еще скажу: не вѣрь также дружбѣ рыжаго—намекъ на англичанъ—и чести „маклера“.

Вскорѣ онъ умеръ, но письма его хранятся у меня, какъ исто-

рическая рѣдкость. Въ свое время они увидятъ свѣтъ на страницахъ этого журнала.

Настоящая глава, посвященная мною краткому и сжатою перечню событій, непосредственно связанныхъ съ именемъ Мидхадъ-паши, будетъ сейчасъ закончена, а потому я намѣрена въ слѣдующемъ году познакомить читателя съ болѣе полнымъ описаніемъ тѣхъ моментовъ, о которыхъ здѣсь упомянуто лишь вскользь, какъ, на примѣръ: сверженіе султановъ, наша дипломатія, конституція, конференція державъ и, наконецъ, объявленіе войны за освобожденіе славянъ.

Е. Рагозина.

